

Зрелищное общение как особая форма общения современной молодежи

А.А. ВОЛКОВ

*аспирант факультета социальной психологии
Московского городского психолого-педагогического университета*

В статье рассматриваются собственно социально-психологические особенности такой специфической формы общения, как зрелищное общение. Специфика проявлений и функций зрелищного общения оценивается через культурно-исторический ракурс анализа, определяются новые возможности зрелищного общения в современных условиях, связанных с экспансией средств массовой коммуникации и информации, обоснованно аргументируется необходимость интенсификации исследований зрелищного общения в настоящее время.

Ключевые слова: зритель, зрелище, зрелищное общение, публичное действие, совокупность видимого и слышимого, массовая коммуникация.

Общение как важнейший инструмент развития человека и общества в целом с течением времени претерпевает разительное изменение своих форм и видов. В последние годы это связано во многом с совершенствованием различного рода технологий, в том числе медийных и телекоммуникационных. В частности, подобного рода метаморфозы происходят за счет усложнения процессов передачи информации (например, появление интернета и различного рода общения в нем — социальные сети), которые становятся неотъемлемой частью нашей жизни, существенно упрощают повседневную жизнь, в связи с чем изменяется и процесс общения в целом.

Вопросам общения, различных его форм и видов в психологии посвящены труды многих выдающихся авторов, таких как Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Л.С. Выготский, В.А. Лабунская, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский и др. Тем не менее, однозначного подхода, свя-

занного с проблемами общения, в психологической науке не существует, что и позволило нам рассмотреть данную тематику более широко, с разных точек зрения и подходов. В современной психологии рассматривается множество различных форм общения, которые можно дифференцировать по различным признакам и характеристикам. Вот только малая их часть: межличностное, массовое, межперсональное, ролевое, личное, деловое, ритуальное и др. Идея выделения зрелищного общения как особой формы общения, характерной, прежде всего, для молодежи, принадлежит А.В. Толстых [26], который в 80-е годы прошлого века впервые описал такого рода межличностную коммуникацию как, с одной стороны, давно существовавшую в культуре, а с другой стороны, ставшую в определенном смысле новой для подростков и молодых людей конца XX века.

Специфика зрелищного общения заключается в том, что оно включает в себя практически все признаки иных существу-

ющих видов общения, что не характеризует практически ни одна другая форма. Помимо этого, важность изучения зрелищного общения, с точки зрения социальной психологии, определяется, с одной стороны, увеличением доли зрелищного общения в общении современной молодежи, а также ростом значения этой формы общения для развития личности и системы взаимоотношений подростков, юношей и девушек в современной социокультурной ситуации, а с другой стороны, практически полным отсутствием научных исследований в этой области. Актуальность изучения данной формы общения заключается в том, что она может сыграть ключевую роль в процессе социализации современной развивающейся личности. Интерес представляет и «разгрузочная», по сути дела, «релаксационная» функция такого общения, которая обеспечивает формирование благоприятного уровня коммуникативной компетенции и эмоциональной составляющей данного вида общения.

Рассмотрение указанной проблематики в логике представлений о единстве общения и деятельности вытекает из понимания общения как реальности человеческих отношений, предполагающего, что любые формы общения включены в специфические формы совместной деятельности: люди не просто общаются в процессе выполнения ими различных функций, но они всегда общаются в рамках некоторой деятельности (кроме редких случаев фактического общения), «по поводу» нее самой или предмета деятельности. В зрелищном общении функцию совместной деятельности выполняет некий процесс взаимодействия и взаимовлияния людей, возникающий в результате определенного публичного действия, в котором особое (чаще всего

главное определяющее) место занимают аудиовизуальные компоненты («совокупность видимого и слышимого»).

Для более глубокого раскрытия темы зрелищного общения и его социально-психологических аспектов конкретизируем понятие «зрелище», проведем теоретический анализ феномена «общение» в психологической и философской науке и рассмотрим понятийный аспект именно зрелищного общения.

Массовые праздники и зрелища существуют во всяком обществе как непреходящий институт, общественное и культурное явление, образуя часть организованной и предустановленной жизни общества, классов, отдельных слоев и групп, своеобразную форму регуляции человеческой деятельности. Это динамическая структура, развитие которой протекает в общем поле историко-культурной среды, определяющей характер и сущностное наполнение [26].

Научные изыскания по данному вопросу ведутся в основном по частным проблемам, позволяя поднять проблему актуальности общетеоретического и исторического исследования феномена зрелища на современном этапе.

Феномен зрелища в человеческой культуре зародился давно, он неизмеримо старше всего того, что приобрело вид социальных институтов, и представляет собой явление сложное и многогранное, которое неверно было бы трактовать в виде простой механической суммы слагаемых. Данное видение представляет собой своеобразную диалогическую проекцию истории в современность, своего рода генетическую ось, на которую нанизаны различные историко-культурные пласты. Черная материя в гуще народной жизни, массовые праздники и зрелища в

то же время адаптируют и преломляют его к современным условиям [там же].

Современные ответы деятелей науки на вопрос: «Что такое зрелище?» качественно разнятся. Так, в словарях ответы выстроены в логике перечисления исторических форм данного феномена. В энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона приведено следующее определение зрелища: «К публичным зрелищам и увеселениям относятся: представления, концерты, балы и маскарады во всех театрах как императорских, так и частных, в цирках, клубах, садах и вообще во всякого рода общественных местах, выставки (за исключением сельскохозяйственных и устраиваемых с научными целями) и базары с музыкой, частные музеи, литературные и музыкальные утра и вечера, живые картины, скачки, бега, гонки, зверинцы, стрельбища, карусели, качели и т. п.» [4, с. 693]. С точки зрения В.И. Даля, зрелища — это все то, «что мы рассматриваем, на что глядим внимательно» [10, т. 1, с. 694]. В.М. Литвинский утверждает, что зрелище предстает как нечто, происходящее в перцептивном поле наблюдателя, как нечто, обладающее статусом событийности, которая придает зрелищу яркий, впечатляющий характер, делает его предметом незабываемого переживания. Более того, с его точки зрения, любое зрелище предполагает ту степень вовлеченности в происходящее, которая превращает бесстрастно наблюдающего субъекта в зрителя [16, с. 45–54].

Другими словами, можно предположить, что зрелище представляет собой особую форму общения, цель которого — спровоцировать, вызвать в максимально яркой, обнаженной форме эмоции людей путем концентрирования их в замкнутом, сравнительно небольшом простран-

стве (театр, стадион, цирк и т. п.), доведения их эмоции до апогея через мимику, пантомиму, моторику и взаимное внушение зрителей, а затем снять это напряжение посредством своеобразной разрядки чувств, уравнивающей человека с самим собой и миром.

На основании вышесказанного можно допустить, что всё происходящее в общении, в том числе и в зрелище, происходит в пространстве. Зрелище вне пространства не существует. Это его «первоэлемент». Говоря о зрелище, мы всегда имеем в виду его пространственные координаты, в которые оно вписано; когда рассуждаем о пространстве, мы всегда имеем в виду то, что делает его видимым, осязаемым, «зрелищным». Пространство может иметь разный вид — от реального физического до психического и виртуального. Но это все — пространства, социальную часть которых люди стараются выделить и структурировать, дифференцировав не только по известному принципу «свое — чужое», но и внутри «своего» на разные функциональные зоны. В частности, пространство художественных зрелищ и внутри него — театральное, концертное, выставочное и другие пространства. К этим зонам можно подходить с мерами эстетическими, коммуникативными, темпоральными и т. п., получая в результате площадь, высоту и конфигурацию пространства, в которое вписана в данный момент история, общество и т. д. и которые обусловлены «материалом» зрелища и поставленными перед зрителями или исследователем задачами.

Иначе говоря, пространство зрелищ — моделирующее пространство на всех этапах человеческой цивилизации. Начав с освоения мира под воздействием индивидуального рефлекса любопыт-

ства, оно охватывает все большее число зон, в которые включается деятельность все большего числа людей. Это пространство, в котором есть где развернуться большинству гуманитарных наук [11].

Анализ общения, его структуры и ситуативных проявлений затронут в работах многих психологов, социологов, педагогов. Эти авторы исследуют общение институциональное и неформальное, действительное и иллюзорное, содержательное и светское, изучают структуру коммуникационных актов, анализируют осуществляемые в общении взаимопонимание и взаимовлияние, рассматривают общение под углом зрения формирования сознания и самосознания, исследуют различные социально-психологические «эффекты» общения. В числе зарубежных психологов проблематику общения рассматривали Г. Гибш, М. Форверг и др. Так, по их мнению, определение общения как обмена мыслями или информацией ведет к неоправданному сужению проблемы, в то время как психологическая суть человеческого общения шире и не тождественна лишь обмену информацией [9, с. 243]. Хотя Г. Гибш и М. Форверг, безусловно, правы, все-таки бесспорно и то, что обмен мыслями, чувствами, переживаниями (информацией о них) является важнейшим качественно содержательным признаком общения. Мысль Н. Винера, что «всякий организм скрепляется наличием средств приобретения, использования, хранения и передачи информации» [6, с. 234], сегодня практически общепринята. Для сложных «организмов», точнее — для сложных самоорганизующихся систем, в том числе для общества, информационная связь абсолютно необходима и, по мнению Б.С. Украинцева, является

абсолютно обязательными принципом и условием их функционирования [27, с. 47–52]. Этот принцип вытекает из природы существования системы как множества разнообразных элементов, связанных в целостность и взаимодействующих в пределах этой целостности. Чтобы это разнообразие элементов образцовало жизнестойкую систему, необходимы средства, связывающие их в единство и упорядочивающие их взаимодействие и взаимовлияние. Информационная связь и является одним из важнейших средств соединения элементов в систему обеспечения, функционирования элементов и системы в целом.

Особо следует отметить вклад, который внесли зарубежные ученые (O.F. Bollonov, M. Burgoon, M. Ruffner, W.R. Fisher, A.C. Smith и др.) в изучение проблем, связанных с коммуникативной проблематикой. В современных публикациях социально-философской, психологической и социологической направленности, выходящих за рубежом, практически отсутствуют вопросы, при исследовании которых в той или иной степени не затрагивались бы проблемы коммуникации.

Для общения люди используют разные средства — орудия и знаки. Своеобразным знаком общения является коллективно создаваемый образ человеческой деятельности как момент духовного производства. Вся ритуальная и обрядовая деятельность первобытных народов насыщена такого рода действиями. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать «Первобытную культуру» Э. Тейлора или «Золотую ветвь» Дж. Дж. Фрезера. Первобытные люди жили бедно и голодно, но они не позволяли себе бедности и голода духовного. Как отмечает

А.В. Толстых, «когда читаешь записки этнографов и антропологов, описывающих ритуальные действия жителей первобытной общины, то не можешь отделаться от впечатления, что перед тобой странный вариант театра, в котором все одновременно и актеры, и зрители. Может быть, наше сравнение и покажется слишком смелым, но такова же, по сути своей, современная дискотека, в которой каждый ее участник одновременно и актер, и зритель» [25, с. 12].

Для процесса общения подчас существенное значение приобретают даже такие параметры коммуникативных ситуаций, как пространство и время. Э.Т. Холл назвал эти смысловые компоненты коммуникативных ситуаций «безмолвным языком» [31]. Примером использования безмолвного языка может служить принятая в данной общности точность прихода на условленную встречу. У одних народов опоздание воспринимается как знак неуважения или даже презрения (европейские народы), у других же приход точно вовремя расценивается как отсутствие самолюбия или подобострастности. «Безмолвный язык» формируется и складывается в зависимости от культурных и нравственных традиций того или иного народа и социальной группы, его можно рассматривать как составную часть «языка этикета». Невладение «безмолвным языком» отрицательно сказывается на установлении оптимальных коммуникативных контактов и может даже привести к конфликтам в общении. Для дипломатов, например, знание этого «языка» в профессиональном плане абсолютно необходимо.

В общении может иметь большое значение также отсутствие тех или иных принятых за норму речевых (как устных, так и письменных) формул или искаже-

ние формы сообщения. В этом отношении показателен пример из дипломатической практики. В начале XX столетия во взаимоотношениях между государствами имело значение, какими нотами они обмениваются — подписанными официальным представителем государства (министром иностранных дел) или составленными от «третьего лица» и не подписанными (вербальными). Нормальные, ненатянутые отношения поддерживались подписанными нотами. В 1909 году Министерство иностранных дел России стало осуществлять сношения с австро-венгерским посольством в Петербурге вербальными нотами. Это отклонение от принятой формы дипломатического общения являлось знаком натянутости отношений между двумя государствами [24, с. 212].

Можно сказать, что естественные коммуникативные знаковые системы человека образуют достаточно сложную иерархию, но это иерархия взаимозависимости и единства (структурная иерархия).

Помимо этого стоит отметить, что не менее важной для понимания психологической сущности общения является проблема одинаковости механизма отражения высшего яруса — сознания и мышления, являющихся стержневыми факторами общения. С информационной точки зрения одинаковость такого аппарата попросту необходима: неодинаковость принимающей и передающей систем нарушала бы коммуникацию или делала ее невозможной. В человеческой коммуникации необходима одинаковость мозговых и речевых структур, способов выражения мысли, механизмов декодирования и понимания. Это и привело к образованию одинакового человеческого мозга, речевого аппарата и рецепторной системы. Интегра-

тивность человеческого существования могла реализоваться только посредством общения людей, необходимость общения и вызвала появление сознания, мышления и речи [19, с. 39] с одинаковыми механизмами их функционирования у всех людей, сходством, участвующих в процессе передачи информации и ее понимания физиологических систем. Так, аналогичность механизмов речевого высказывания и его понимания позволяет лингвистам «опираться на данные о восприятии речи при анализе ее порождения» [14, с. 126, 132].

Анализ зрелищного общения в качестве социально-культурного феномена, как уже отмечалось выше, был впервые осуществлен А.В. Толстым в ряде его работ 1980–1990-х гг. и впоследствии практически не проводился. Согласно концепции А.В. Толстых, зрелищное общение — это процесс взаимодействия и взаимовлияния участников определенного публичного действия, в котором главное место занимают аудиовизуальные компоненты («совокупность видимого и слышимого»), организуящие восприятие определенным образом, вызывая сильное эмоциональное переживание, обостренное чувство общности, причастности к группе.

А.В. Толстых особо подчеркивает, что данный вид общения в основном присущ «подростковой общине», так как ее представителям свойственно в основном беспредметное общение, вследствие чего оно является подчеркнуто эмоциональным. Чтобы достигнуть эмоциональной близости, и используется зрелищное общение. Также необходимо отметить, что серьезное внимание в данной концепции обращено на историческое и культурное происхождение зрелищных форм общения.

Древнегреческие вакханалии, древнеримские сатурналии, средневековые

карнавалы ... В каждом из этих мероприятий наших предков каждый зритель становился участником, а каждый участник — зрителем. Представители общины — первобытной, античной, средневековой — удивительно сходятся в стремлении периодически воссоздать на своих праздниках своеобразные картины, живописующие зрелище человеческого духа. Можно допустить, что это происходит вследствие единства тех психологических механизмов, а точнее тех функций в общности, которые способны выполнять зрелищное общение в общине (группе, построенной на принципах общинной жизни, по сути, той же неформальной) [26].

Первой такой функцией была и остается суггестия, агрессивная в своей навязчивости тенденция к воздействию на психофизиологическую организацию человека мощными, ударными дозами впечатлений. Диапазон отклонений, характеризующих поведение индивида в группе (в отличие от его поведения наедине с самим собой), достаточно велик и колеблется в зависимости от конкретных особенностей той ситуации и тех групповых отношений, в контекст которых вписывается персональное поведение и личностная ориентация. Иными словами, можно заметить различия в том, как меняется степень и характер реакции человека на происходящее в зависимости от того, находится ли он на митинге, на концерте, в театре или наблюдает спортивное состязание на стадионе [26]. Историк и социальный психолог Б.Ф. Поршнев в своих работах убедительно показал, что в группе человек во много раз более внушаем, нежели тогда, когда он один (на этом основаны, в частности, функции хора в древнегреческой трагедии): «Хор была та

кучка наиболее нервных, восприимчивых зрителей, которые заражались первыми, свои чувства выражали замечаниями, криками и суждениями и, принимая как бы активное участие в представлении, передавали свое настроение, свою оргию зрителям. Таково происхождение хора древнегреческой трагедии» [22, с 16], т. е. он выполнял, в первую очередь, суггестивные функции.

Согласно А.В. Толстых, суггестивная сила зрелища во многом основывалась на фундаментальной потребности человека в эмоциональном общении. Потребность эта, закладываемая в раннем онтогенезе, в процессе непосредственно-эмоционального общения матери и ребенка, сохраняется у него на протяжении жизни и требует своего удовлетворения. Так, человеку часто лично важно, чтобы его чувства были созвучны чувствам другого человека (это ярко проявляется в феномене потребности во взаимности, в дружбе, в любви). Зрелищное общение позволяет человеку в непосредственно-эмоциональной форме ощутить причастность к своей общности, почувствовать свою защищенность. На этом, в частности, основан феномен подростковых объединений, когда ребята сбиваются в «стайки», пугая взрослых своим эмоциональным единством, за которым чувствуется нешуточная сила. История культурной революции в Китае и движения хунвейбинов хорошо продемонстрировала, каков социальный потенциал этого импульса, насколько разрушительным он может стать, если выходит из-под контроля или, что еще хуже, становится в оппозицию к общественным ценностям.

Другая функция зрелищного общения еще более фундаментальна в том смысле, что затрагивает глубинные пласты психо-

логической организации личности. Дело в том, что в структуре зрелищного общения ярко выступает момент оппозиционности общения — в форме порой агрессивного противопоставления «мы» — «они». Аморфное единство общества нежизнеспособно без его дифференциации на соперничающие, соревнующиеся группы. Приведем пример. Известно, что в древнеримском цирке одновременно состязались четыре колесницы, каждой из которых соответствовало определенное товарищество на трибунах — поставщики колесниц: красные, белые, зеленые, голубые. Соответственно этим цветам и распределялись «болельщики», причем разделение это выходило далеко за рамки личных симпатий и антипатий, вроде нашего «боления» за «Спартак» или «ЦСКА», — оно носило характер важного механизма функционирования Римской империи. «Возьмут перевес зеленые, и часть народа приходит в уныние; повернется счастье на сторону голубых, другая часть народа досадует; нет от этого ни для кого — ни выгоды, ни вреда, а между тем они то приходят в бешеный восторг, то погружаются в глубокую скорбь; из-за мелочей идет такой спор, как будто отечеству угрожает опасность. Игры цирка подрывали строгость нравов, порождали пустейшие споры, уничтожали чувство справедливости и служили неисчерпаемым источником всевозможных дрязг и раздоров» [26, с. 17]. Пресловутое «Хлеба и зрелищ!» было для римлян всепоглощающим: «Кто бы ни управлял миром, Нерон или Марк Аврелий, спокойно ли процветала империя или раздиралась мятежами и междоусобицами, угрожали ли пределам ее варвары или римские войска одерживали над ними победы, в Риме и высшие, и низшие, свободные и рабы,

мужчины и женщины постоянно были заняты одним вопросом: кто одержит победу — голубые или зеленые?» [26 с. 18]. На первый взгляд, такое расщепление народа представляется неразумным и вредным, однако оно имело серьезный смысл: позволяло достичь эмоциональной разрядки, тренировало дрябнувшие мышцы римской агрессивности, столь необходимой для ведения захватнических войн. Мы уже не говорим о явном классово-политическом значении такого разделения. Оппозиционность в структуре зрелища питала не только цирк и стадион, но и театр, другие формы увеселений римлян.

Основные механизмы зрелищного общения людей относятся к моменту истории, когда это общение было неразрывно связано с определенной общностью людей, было их непосредственным общением «лицом к лицу». Но и здесь мы уже замечаем тенденцию, прогрессирующую в истории, к отделению зрелищного общения от общности (общины), которое идет через развитие его опосредованных форм. Зрелищное общение все более и более становится формой искусственного общения — общения посредством определенной профессионально организованной формы.

Средства зрелищного общения непрерывно развиваются, но само оно неумолимо отдалается от непосредственной общности людей, самоустраняется из общественной жизни. Данный процесс, ко-

нечно же, подчиняется более широким закономерностям общественной жизни. Следует отметить также радикальный факт отделения зрелищного общения от реальной общности людей, противопоставления его людям в виде специально организованного зрелища. В этих условиях зрелище начинает выполнять дополнительные функции, например, рекламы. С бурной урбанизацией, окончательным разрушением и городской и сельской общин, увеличением разобщенности индивидов возникает необходимость поиска новых коммуникационных возможностей. Продукция, рассчитанная на культурно-индивидуальное потребление (книга, например), уже явно не справляется с функцией посредника тысяч людей, тяготящихся своим одиночеством. И здесь, как нельзя кстати, оказывается отодвинутой временно на второй план культуры стихия зрелищности, возрождающаяся к жизни в новой форме, питаемая экспансией средств массовой коммуникации и информации. Зрелище приходит сначала в кинотеатр, «упакованное» в нитроцеллюлозную рамку кадра, вырывается на простор огромных эстрадных площадок — стадионов, наконец, входит в наше жилище светящейся трубкой телевизионного кинескопа [26]. И при этих чисто технических возможностях зрелищное общение продолжает быть способным выполнять все те же функции, о которых говорилось выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев В.Г.* Избранные психологические труды: В 2-х т. М., 1980.
2. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
3. *Бодаев А.А.* Об общении и учете его характеристик в работе с людьми // Психология общения. М., 1978.
4. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь, т. ХІА (24) «Зелмер-Имидокислоты». Спб., 1894.

5. Брудный А.А. Понимание и общение. М., 1989.
6. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1958.
7. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982–1984.
8. Гадамер Г.Г. Истина и метод. М., 1988.
9. Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А-З. М., 1998.
11. Дуков Е. Зрелище как социальный феномен // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 3 (81).
12. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М., 1997.
13. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998.
14. Леонтьев А.А. Психологические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
15. Леонтьев А.А. Психология речевого общения: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1975.
16. Литвинский В.М. Научные исследования и разработки в спорте // Вестник Санкт-Петербургской государственной академии физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. СПб., 1999.
17. Ломов Б.Ф. Проблема общения в психологии. М., 1980.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. М., 1964.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966.
20. Мерло-Понти М. Око и дух. М., 1992.
21. Панферов В.Н. Общение как предмет социально- психологических исследований: Дисс. ... д-ра психол. наук. Л., 1983.
22. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
23. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
24. Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1959.
25. Толстых А.В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб., 2000.
26. Толстых А.В. Психология юного зрителя. М., 1986.
27. Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.
28. Фридлиндер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов. Ч. I. СПб., 1914.
29. Bollonov O.F. Existenzphilosophie und Radagogik. Versuch uber unстетige // Formen der Erziehung. Stuttgart, 1977.
30. Burgoon M., Ruffner M. Human Communication. N.Y., 1979.
31. Fisher W.R. Human Communication as Narration: Toward a Philosophy of Reason, Value, and Action. Carolina, 1987.
32. Hall E.T. Our Silent Language // Science Digest. 1962. Vol. 52. № 2.
33. Smith A.C. Communication and Culture. Reading in the Codes of Human Interaction. N.Y., 1966.